

О. В. БРИГАДИНА

О ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫМ ОБЕЩАЛИ ЖИЗНЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

Рассказывается о феномене поколения советских людей, которым была обещана жизнь при коммунизме. Анализируется концепция «развернутого строительства коммунизма» как образец официального мифотворчества. Описываются условия труда, уровень заработной платы, жилищно-бытовые условия, культурные запросы, предметный мир различных социальных групп советского общества.

The article attempts to understand the phenomenon of generations of Soviet people, who had been promised life under communism. The concept of «full-scale construction of communism» as an example of the official myth-making is analyzed. The article the working conditions, wages, living conditions, cultural questions, the objective world of different social groups of Soviet society are described.

Ключевые слова: коммунизм; новый человек; общественные фонды потребления; предметный мир; социальная дифференциация.

Keywords: communism; a new man; the social consumption funds; the objective world; the social differentiation.

В предисловии к книге «Время секунд хэнд», завершающей художественно-документальный цикл «Голоса Утопии», С. А. Алексиевич писала: «У коммунизма был безумный план — переделать “старого” человека. И это получилось... За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип — *homo soveticus*... Все мы, люди из социализма, похожие и непохожие на ос-

Брыгадіна Вольга Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук. E-mail: brigadinaol@mail.ru

тальных людей — у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках... Государство стало их космосом, заменило все, даже собственную жизнь... Отец вспоминал, что он лично в коммунизм поверил после полета Гагарина. Мы — первые! Мы все можем! Я тоже помню: после школы мы собирались всем классом поехать на целину... до слез жалели, что революция, гражданская война — все случилось без нас. Мы были люди с одной коммунистической памятью. Только советский человек может понять советского человека... Разочарование пришло позже» [1, с. 7—9].

Идеологические ориентиры. В качестве главных политических вех «славного десятилетия Н. С. Хрущева» рассматриваются XX—XXII съезды КПСС. После XX съезда партии (февраль 1956 г.) начались процессы десталинизации в обществе, реабилитация приобрела массовый характер, восстановлена автономия депортированных народов и многое другое. На внеочередном XXI съезде КПСС (январь — февраль 1959 г.) было заявлено о вступлении СССР в период развернутого строительства коммунизма. Общество получило хотя и утопическую, но привлекательную программу действий: достичь в стране такого объема производства продукции на душу населения, который обеспечил бы самый высокий уровень жизни народа, и таким образом одержать «всемирно-историческую победу социализма в мирном соревновании над капитализмом» [6, с. 270]. XXII съезд (октябрь 1961 г.) продолжил советское официальное мифотворчество. Концепция «развернутого строительства коммунизма» стала ядром третьей программы КПСС, принятой на съезде.

Символом наступавшей новой эпохи стал построенный в Москве Кремлевский дворец съездов. Наступление коммунизма признавалось неизбежным общемировым законом, утверждалось, что к светлому будущему рано или поздно придут все народы. Строительство коммунизма в программе КПСС рассматривалось как сложный и многогранный процесс, охватывающий все стороны жизни общества: экономику, политику, социальную структуру, идеологию, культуру. Была сформулирована сущность «коммунистического рая»: «это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества... все источники общественного богатства польются полным потоком, и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и созидательных тружеников, в котором утвердится

общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [12, с. 274]. Построение коммунизма в СССР КПСС связывала с решением «триединой задачи»: созданием материально-технической базы нового общества, развитием коммунистических общественных отношений и воспитанием нового человека. В первое десятилетие (1961—1971 гг.) предполагалось опередить США по производству продукции на душу населения, а к 1980 г. намечалось создать изобилие материальных и культурных благ для всего населения. Однако уже к середине 1970-х гг. пафос выветривался, коммунизм, по образному выражению А. М. Буровского, «напоминал проткнутую автомобильную шину или баню, из которой вышел пар» [4, с. 260].

Очердным идеологическим ориентиром для советского общества стала концепция «развитого социализма», которая была закреплена в Конституции СССР 1977 г. Причем стратегическая цель государства — построение бесклассового коммунистического общества — не подвергалась сомнению. Однако несоответствие официальных установок реальному положению дел в стране в 1970—80-е гг. становилось все более очевидным. В этот период началась открытая борьба с инакомыслием, сформировалось диссидентское движение, ужесточился контроль во всех сферах жизни населения. Происходило это на фоне триумфальной атмосферы партийных съездов, военных парадов, торжественных официальных церемоний, расширения номенклатурных привилегий. Напряжение в обществе постепенно возрастало.

С избранием в ноябре 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем Ю. В. Андропова появились новые ориентиры. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», говоря о переходе к коммунизму, Ю. В. Андропов заявил: «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа», а в частном порядке высказывался более радикально: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся» [2, с. 20].

Экономические ресурсы страны для строительства коммунизма были ограничены, если не сказать недосыгаемы. Создание материально-технической базы новой общественной формации предполагало: полную электрификацию и комплексную механизацию всех производственных процессов, развитие новых эффективных отраслей, рациональное использование трудовых и материальных ресурсов, высокий культурно-

технический уровень трудящихся, экономический расцвет колхозного строя и т. д. Однако на рубеже 1950—60-х гг. налицо были явные провалы в государственной экономической политике. План шестой пятилетки выполнить не удалось, в результате он был пересмотрен и разработан новый семилетний план развития народного хозяйства (1959—1965). Для его реализации началось развитие ускоренными темпами прогрессивных отраслей, прежде всего химии, наращивание энергетических мощностей, создание нового оборудования, вовлечение в хозяйственный оборот вновь открытых природных ресурсов. Особое значение придавалось новым административным реформам в сфере управления. В целом советское индустриальное общество было крайне несбалансированным. Сориентированная на добычу сырья и производство вооружений, разбросанная по огромной территории промышленность оказалась слабо восприимчивой к достижениям научно-технического прогресса. Использование традиционных административных методов в сфере трудовых отношений отрицательно сказывалось на стратегиях поведения населения, становилось условием для роста социальной напряженности. Свидетельством полного провала внутренней политики Н. С. Хрущева явились трагические события в Новочеркасске (июнь 1962 г.), дефицит продовольствия, введение карточной системы распределения основных продуктов питания во многих городах страны.

Не внушало оптимизма состояние сельского хозяйства. Из воспоминаний советского экономиста академика Е. С. Варги: «Колхозное крестьянство саботирует работы на общественной земле и прежде всего обрабатывает свои небольшие земельные участки. Крестьяне воруют в колхозе все, что могут: корма, дрова, удобрения. Они сознательно оставляют часть урожая колхозного зерна, картофеля, свеклы, кукурузы неубранными в надежде позже использовать их для своего скота. Система такова, что у трудящихся нет никакой — ни материальной, ни моральной — заинтересованности в росте производства в общественном хозяйстве... Ход рассуждений высшей бюрократии примерно таков: мы — избранная часть общества... мы ответственны за советское государство... Мы, политики, понимаем все лучше других людей... Мы должны... мы призваны... мы определяем...» [12, с. 85, 86].

Временный экономический эффект был связан с реформами 1965 г., поддержанными А. Н. Косыгиным и рядом ученых-экономистов. Оживить производство намечалось интеграцией в планово-директивную экономику таких экономических рычагов, как цена, прибыль, кредит,

премия. На некоторое время прекратилось падение темпов промышленного производства, а восьмая пятилетка (1965—1970), по мнению многих экспертов, стала наиболее удачной за годы советской власти. Окончательный отказ от «косыгинской реформы» состоялся на Пленуме ЦК КПСС (декабрь 1969 г.). Система возвращалась к исключительно административным методам (укрепление дисциплины, жесткий режим экономии ресурсов, четкая вертикаль управления экономикой и т. п.). Несмотря на значительные изменения в мировой экономике, в СССР технократические идеи вступили в противоречие с идеологическим контролем и «“бастионами советской бюрократии” — министерствами и ведомствами» [9, с. 275].

В 1970-е — начале 1980-х гг. экономическая ситуация в стране стабилизировалась за счет продажи за границу нефти и газа. В связи с мировым энергетическим кризисом доходы СССР от экспорта сырья выросли за десять лет на 272 %. Только от продажи нефти государство получало ежегодно около 16 млрд долл. США [9, с. 318]. Однако добывать топливо в северных районах страны становилось все труднее. С 1984 г. объемы добычи начали снижаться. «Нефтедоллары» тратились расточительно. На валюту закупали товары народного потребления, продукты, машины и оборудование, которое не всегда использовалось эффективно. Значительная часть бюджетных средств «замораживалась» на складах и так называемых «долгостроях» (незавершенных строительных объектах). Большая часть советской продукции была неконкурентна на Западе. Многочисленные программы (Продовольственная программа, Программа освоения Нечерноземной зоны РСФСР, Комплексная программа научно-технического прогресса), целевые и долгосрочные проекты не давали необходимого результата.

Низкая эффективность экономики, кроме прочего, подрывалась участием в гонке вооружений, расходами на содержание огромной армии, атомного арсенала, военных баз в Европе и Азии, поддержкой «прогрессивных» режимов в развивающихся странах, войной в Афганистане. К середине 1980-х гг. стагнация проявлялась во всех сферах общества.

Образ коммунизма в массовом сознании. По мнению Б. А. Грушина, общественное мнение, «как зеркало жизни», дает возможность судить о различных фактах действительности: говорить о том, каковы в обществе экономика, политика, культура, быт, мораль; выяснить, с какими проблемами общество сталкивается, как их решает и т. д. При этом часто проявляется «неготовность самого народа» к восприятию и поддер-

жке происходящих цивилизационных изменений [6, с. 6, 7]. Различные слои населения по-своему реагировали на происходившие в СССР процессы, в основном стараясь приспособиться и использовать те возможности, которые предоставляла жизнь. Можно выделить по крайней мере два образа коммунизма в сознании населения: на рубеже 1950—60-х гг. преобладало представление о «светлом будущем»; позднее доминировало мнение, лаконично выраженное в «самом коротком анекдоте: коммунизм» [11, с. 475]. Наличие «оптимистического» и «скептического» взглядов нашло подтверждение в литературе, воспоминаниях современников эпохи, других исторических источниках. Так, журналист Ф. Бурлацкий в своих мемуарах «Глоток свободы» писал, что в победе коммунизма «были уверены, кажется, все». Противоположное мнение у писателей-эмигрантов П. Вайля и А. Гениса: «...никто и не заблуждался насчет построения коммунизма в 20 лет. Любой мог выглянуть в окно и убедиться в том, что пока все на месте: разбитая мостовая, очередь за картошкой, алкаши у пивной... Но зато каждый нашел в Программе желаемое для себя» [5, с. 13].

Народные образы коммунизма разнообразны. Самым популярным и распространенным среди населения был «потребительский коммунизм»: говорили о том, что будут бесплатными проезд в транспорте, коммунальные услуги, заводские столовые, лечение в санаториях для ветеранов и пенсионеров. Предлагалось «в виде эксперимента создание коммун, где будут иметь место коммунистические отношения в производстве и в быту... образовать опытные районы коммунизма с участием всех рас и всех классов нашей планеты, обеспечив эти районы всем необходимым... построить города-лаборатории, поселить туда молодежь, а потом все будут туда ездить, смотреть на их жизнь и загораться желанием жить так» [11, с. 483]. Нередко раздавались призывы к коммунистам добровольно отказаться от своего имущества, изымать предметы роскоши, дачи, гаражи, издать законы, запрещающие иметь свои дома, ограничить уровень зарплаты высокооплачиваемых граждан и повысить для малообеспеченных: «Одни уже сейчас имеют по потребностям, и им не страшны 20 лет, а другие должны терпеть недостатки» [11, с. 485]. Население хотело равенства и требовало проверить источники доходов всех вкладчиков в сберегательных кассах, «деньги, нажитые нечестным путем, передать государству, а в будущем постепенно заменить наличные деньги именными лимитными книжками» [11, с. 485]. Все, что не соответствовало массовым представлениям о коммунистической спра-

ведливости, должно было как можно скорее быть изжито, а потому каждый руководящий работник обязан был отработать один месяц в году в качестве рабочего. Некоторые извлекали из текста Программы те моменты, которые были им близки и понятны, другие, наоборот, предлагали властям проводить разъяснительную работу с населением: снять кинофильм «Программа КПСС», подготовить учебники или брошюры, написанные популярным языком, и изучать их, «как таблицу умножения» [11, с. 481].

Согласно результатам социологического опроса, проведенного в 1998—1999 гг., были уверены в победе коммунизма в СССР 51—55 %, не сомневались в сроках его построения через 20 лет 35—37 % населения. Число скептиков, не поверивших в «светлое будущее», составило 16—18 % [11, с. 477]. Позитивное отношение к коммунизму в различных группах советского общества было связано с надеждой на лучшее: «В хорошую жизнь в будущем верили, а как она будет называться — коммунизм или нет — для нас не важно» [11, с. 478].

Дискуссионным в современной российской историографии остается вопрос об оценках качества жизни и отношении к своему недавнему прошлому поколения, активная часть жизни которого выпала на 1970-е гг. Диапазон мнений многомерен. Для одной части советских людей были девальвированы такие понятия, как «долг», «совесть», «честь». Несмотря на победоносные рапорты с трибун партсъездов об успехах страны «развитого социализма», в общество внедрялась психология застоя. Размывание нравственных критериев — это реальность времени. «Я не знаю ни одной такой идеи, чтобы стоило биться головой о стенку, бороться» — такое признание, сделанное героем документального фильма Ю. Подникса «Легко ли быть молодым?», — закономерное следствие изменения представлений о смысле жизни. Для других жизнь в застойные годы представляется «золотым веком» СССР. По убеждению А. М. Буровского, «это величайшая, счастливейшая, самая созидательная, успешная эпоха... Это было время спокойно, эпически разворачивающихся судеб. Жили мы небогато, но спокойно и зажиточно. Прокормиться было нетрудно, жить — безопасно... Мы совершенно не ценили того, что имели...» [4, с. 4, 297]. Подобные оценки можно обнаружить и в исследовании Ф. Спаффорда: «Подавляющее большинство советского населения на самом деле было довольно своим правительством (Брежневым)... Работа была бессмысленной, но нетрудной... Успехи СССР, не сходявшие с экранов телевизоров, были приятным

зрелищем... Жизнь была не так уж плоха. Если ты никого не беспокоил, то и тебя не беспокоили. Казалось, все установилось, вылилось в некий статус-кво, который может длиться вечно» [10, с. 385].

Советская жизнь давала достаточно оснований как для оптимизма, так и для скепсиса. Большинство граждан привыкло к небогатому, но гарантированному существованию на небольшую зарплату. Средняя месячная заработная плата неуклонно повышалась: в 1956 г. она составляла 67 р., в 1970 — 113, в 1975 — 146, в 1980 — 170, а в 1985 г. — 240 р. С 1970 по 1985 г. реальные доходы на душу населения, по официальным данным, возросли вдвое. Но повышение зарплат не было подкреплено ростом производительности труда. В обществе появилось выражение: «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем» [7, с. 476].

Советский человек хотя и роптал на недочеты системы, но предпочитал жить на государственном иждивении, имея жилье и минимальный достаток. Забота о повышении благосостояния населения с середины 1960-х гг. выражалась в искусственном «подтягивании» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню зарплаты. Постепенно сокращался разрыв между оплатой труда рабочих в промышленности и колхозников, повышался размер пенсий по старости и инвалидности, стипендий для студентов вузов и техникумов. К началу 1980-х гг. базовый размер стипендии составлял 40 р. Студенты, сдавшие сессию на «хорошо» и «отлично», получали надбавку в 25 %; только на «отлично» — 50 %. Стипендию в целом по стране получали примерно 78 % студентов [8, с. 25]. Часть расходов населения компенсировалась за счет общественных фондов потребления (ОФП) в виде денежных выплат, материальных благ и услуг. Роль ОФП заключалась в обеспечении удовлетворения первоочередных потребностей людей (содержание нетрудоспособных, образование, культура, здравоохранение, жилье, отдых) на минимально необходимом уровне. В 1970-е гг. из ОФП было расходовано: на социальное обеспечение — 37 %, на образование — до 30 % и здравоохранение — около 15 %. К середине 1980-х гг. расходы ОФП на одного учащегося в год составили: в общеобразовательных школах — свыше 200 р., в техникумах — свыше 750 р., в вузах — около 1200 р. Более 80 % расходов на пребывание ребенка в детском саду оплачивало государство [8, с. 26].

Менялась среда обитания населения. Постепенно решался жилищный вопрос. В городах исчезли бараки, с 1956 г. все больше строилось кооперативных квартир и бюджетного жилья. Однако в начале 1980-х гг.

из-за появления нового городского слоя — «лимитчиков» — жилищный вопрос несколько обострился. Этим людям по согласованным квотам нанимали на малоквалифицированную и непрестижную работу многие предприятия. Они довольно быстро получали квартиры, тогда как коренные горожане могли десятки лет ждать своей очереди. Это создавало ситуацию социального напряжения между горожанами и «лимитой».

Приблизительно со второй половины 1970-х гг. начал меняться к лучшему предметный мир населения. В квартирах появилась техника длительного пользования (телевизоры, холодильники, стиральные машины). Низким по-прежнему оставался уровень обеспеченности транспортными средствами: менее 11 % имели мотоциклы и всего 2,3 % — автомобили [6, с. 350]. Стремление сделать свое существование более комфортным превращало жизнь большей части населения в бесконечную цепь унижающих человеческое достоинство поисков импортных дефицитных товаров. Их не «покупали», а «доставали» по «блату» благодаря связям с работниками торговли, приобретали на «черном рынке». Можно говорить о росте материальных и духовных запросов населения, но также справедливо утверждение о формировании советского варианта «общества потребления». Становилось престижным иметь не просто обычный радиоприемник, а аудиотехнику высокого качества; не обычный телевизор, а цветной; о достатке семьи свидетельствовали ковры, хрусталь, модная одежда, импортная косметика и многое другое. Необеспеченность денежной массы товарами вела к росту цен, стала проявляться скрытая инфляция. В стране несколько раз проводилось официальное повышение цен на товары повышенного спроса (золото, меха, автомобили, бытовую технику). Накануне подобных операций полки магазинов, торгующих такими товарами, полностью опустошались.

Несмотря на тотальный дефицит, люди все же довольно успешно благоустраивали свои квартиры, были прилично одеты, сервировали праздничные столы гастрономическими деликатесами. Достигалось это благополучие во многом благодаря «блату» — особой системе отношений, основанной на оказании взаимных услуг. Часть населения регулярно обращалась к подпольным предпринимателям («цеховикам»). Наибольшее количество их было в сфере бытового обслуживания, ремонтно-строительных работ, обслуживания автомобилей и радиоэлектроники. По советскому законодательству за незаконную деятельность можно было получить срок до четырех лет лишения свободы, но подпольный бизнес только развивался.

Потребности советских людей не ограничивались материально-бытовыми благами. Приметой времени стал повышенный спрос у части населения на билеты в театры и престижные кинофестивали. Люди стали покупать и коллекционировать книги, картины, предметы старины. И этот процесс, как отмечал А. К. Соколов, постепенно из элитарного становился массовым, в него втягивались широкие слои относительно обеспеченной интеллигенции. В разряд дефицита попали книги. Счастьем для всей семьи было «достать» подписку на приложение к журналу «Огонек». Буквально «до дыр» зачитывали толстые литературные журналы — «Новый мир», «Иностранную литературу», «Неву». Социально престижным было не только иметь модные издания, но и уметь поддержать разговор о прочитанном [9, с. 301, 302].

К 1980-м гг. достигла своего апогея социальная дифференциация в обществе. Уровень жизни основной массы населения не был напрямую связан с трудовыми усилиями и результатами работы. Все более существенное влияние оказывала близость к распределительной системе или обладание определенными льготами и привилегиями. Достаточно обеспеченно жили партийные и советские руководители, известные деятели науки и культуры, военные и дипломаты, составлявшие советскую номенклатуру. Примечательной особенностью правящей элиты СССР в 1930—50-е гг. являлось ее периодическое обновление. Реформы Н. С. Хрущева, его попытки сократить численность управленцев, ввести регулярную ротацию (обновление) руководящих кадров дестабилизировали положение правящей элиты. Взятый Л. И. Брежневым курс на стабильность стал для номенклатуры «золотым веком». В 1966 г. из Устава КПСС был изъят введенный при Хрущеве пункт о нормах обновления партийного руководства и предельных сроках пребывания на выборных должностях. Так, для сталинской номенклатуры было характерно перемещение в среднем каждые два-три года. С конца 1960-х гг. обновление руководящих кадров, так называемая «вертикальная мобильность», резко замедлилось. В 1962—1968 гг. его темпы составляли 11 лет, в 1969—1973 гг. — 14, в 1974—1984 гг. — 18 лет. Приток кадров со стороны составлял лишь 6 % [6, с. 312]. Сформировалась особая социальная группа, численность которой к 1985 г. достигла около 18 млн человек. Как отмечал Ф. Спаффорд, «если ты принадлежал к настоящей элите, лично тебе полагалось небольшое исключение из правил...» [10, с. 387]. Закрытость элиты проявлялась в отработанным десятилетиями механизме отбора кадров и слабой информированности населения о ее

жизни. Специфической была атмосфера и в самой номенклатурной среде. Характерны воспоминания Н. И. Рыжкова: «Любые отношения... за пределами рабочих кабинетов не продолжались... встречаться вне рабочего времени считалось неприличным». Он был удивлен разобщенностью, особым кодексом поведения партийных товарищей, в этой среде было не принято собираться по какому-либо праздничному поводу и выстраивать более тесные личные контакты [3, с. 117].

Замкнутый и корпоративный характер приобрела система подготовки руководящих кадров (Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийная школа, Высшая школа профдвижения, Высшая комсомольская школа, Дипакадемия и др.). При приеме на работу молодые кадры обязаны были давать расписку о молчании по поводу своих служебных обязанностей и, в большинстве случаев, не вступать в контакт с иностранцами. Рабочий день был, как правило, ненормированным и длился в среднем восемь — десять часов, а иногда приходилось уходить с работы за полночь. Зарплата была относительно невысокой (в среднем у партработника 216 р.), ответственность и затраты рабочего времени в середине 1980-х гг. — огромными. Компенсацией служила система льгот и привилегий, причем масштабы и качество услуг росли по мере продвижения работника по службе. Если на низшем уровне речь шла о специальных поликлиниках и санаториях, качественных продовольственных заказах и получении вне очереди элитной квартиры и товаров длительного пользования, то у представителей высшей элиты появлялись «в порядке исключения» новые возможности: например, заказывать товары по каталогу из-за границы, получать квартиры для детей и родственников. Члену Политбюро или секретарю ЦК КПСС полагалась охрана, «ЗИЛ» с радиотелефоном и большая дача с обслуживающим персоналом (два повара, четыре официантки, два садовника). На даче — кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад [3, с. 116, 117]. Феномен бывшей советской элиты нуждается в более объективных исследованиях. В годы застоя «номенклатура легко адаптировалась к смене ситуации, использовала широкий набор средств и способов достижения своей цели, умело лавировала в зависимости от своих личных и корпоративных интересов» [9, с. 331].

Привлекательная, но оторванная от жизни абстрактная идея коммунизма стала стержнем всей советской пропаганды, определяла внутреннюю политику власти, формировала целую гамму чувств и стратегий поведения советских людей. Однако между коммунистическим мифом

и реальной жизнью лежала глубокая пропасть. Неудачные попытки реформировать общество привели к сложному периоду застоя. Накапливались противоречия, углублялись кризисные явления практически во всех сферах общества. Менялись образ жизни и менталитет населения, который не всегда можно объяснить с точки зрения логики и абстрактных теорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексиевич С. А.* Время секунд хэнд. М. : Время, 2013.
2. *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 3—27.
3. *Березкина О.* СССР: номенклатура или партийная элита? // Родина. 2014. № 9. С. 115—118.
4. *Буровский А. М.* Брежнев без лжи. Да здравствует «Застой». М. : Яуза : Эксмо, 2013.
5. *Вайль П., Генис А.* 60-е: мир советского человека. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 1998.
6. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. М. : Прогресс, 2006. Кн. 2, ч. 1 : Эпоха Брежнева.
7. История России. XX век. 1939—2007 / под ред. В. Вдовина. М. : Прогресс, 2009.
8. *Мямяченко В. Н.* Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946—1991 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2012.
9. *Соколов А. К., Тяжельникова В. С.* Курс советской истории. 1941—1991. М. : Высш. шк., 1999.
10. *Спаффорд Ф.* Страна изобилия : пер. с англ. М. : Астрель : CORPUS, 2012.
11. *Фокин А. А.* «Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всемирного обсуждения» третьей Программы КПСС) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования : сб. науч. тр. / редкол.: М. Н. Барышников [и др.]. СПб. ; К. ; Минск, 2008. С. 472—487.
12. Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995) / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М. : Владос, 1996.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 1 верасня 2015 г.